

А.Л. Шапиро

А.Е. ПРЕСНЯКОВ КАК НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ*

Через всю педагогическую и ученую деятельность А.Е. Преснякова красной нитью проходит одно стремление – добиться максимальной научности исторической исследовательской работы и исторического повествования. Эта черта не является, конечно, индивидуальной его особенностью, к тому же самому стремится громадное большинство историков. Но очень немногим удается это стремление воплотить в жизнь. Пресняков один из этих немногих. И именно поэтому так плодотворны научные занятия под его руководством. Мы, работавшие у Преснякова, всегда уходили с его лекций или из его кабинета в каком-то приподнятом, бодром настроении, явно ощущая, как в течение 2–3 часов, проведенных в непосредственном общении с ним, мы вырастали в научном отношении. При этом из встреч с ним мы не выносили готовых рецептов исследовательской работы. К научному осмыслению источника он подводит своих учеников, обсуждая с ними их собственные работы, разбирая и критикуя вновь появляющиеся, а иной раз и старые исторические исследования, а главное, давая образцы использования источников и образцы исторических обобщений в своих научных трудах и лекциях. Поэтому сейчас, при попытке восстановить облик Преснякова как научного руководителя, мне приходится иной раз останавливаться на отдельных чертах, характеризующих его как ученого.

В 1918 г. появился в свет общий очерк Преснякова «Московское царство», вошедший в состав собрания популярных книжек «Круг знания». По своим размерам, внешнему виду и обширному кругу охватываемых тем очерк был рассчитан явно не на специалиста. А между тем академик Дьяконов, рецензент «Московского царства», уже указал на ряд совершенно новых, оригинальных мыслей, содержащихся в книге, и вместе с тем отметил, что «для средней же университетской аудитории и даже для более широкого круга читателей «общий очерк» едва ли придется по плечу».¹ В большей или меньшей степени то же самое приходится сказать о всех работах и лекциях Преснякова. Он никогда не удерживается на уровне простой сводки и пересказа уже добытых наукой данных, и вместе с тем его изложение малопопулярно именно потому, что не только по содержанию, но и по форме оно строго научно. Форма изложения Преснякова чрезвычайно сжата и конденсирована. Даже мысль совершенно новая выражается при помощи очень экономной формулировки, без единого лишнего слова и без повторений. При этом формулировки и заключения Преснякова построены на огромном всестороннем материале источников, в который он старается всегда посвящать своего читателя и слушателя. К синтезу данных источника Пресняков подходит осторожно, без всякой торопливости и суеты, стараясь не упустить ни одного факта, ни одного свидетельства из поля своего зрения. В Предисловии к магистерской диссертации «Княжое право Древней Руси» (СПб., 1909) Пресняков пишет, что первая половина его книги представляет попытку составить описа-

© А.Л. Шапиро, 2005

* Статья была опубликована в 1927 г. (см.: Сборник, посвященный 35-летию научной и педагогической деятельности А.Е. Преснякова. Л., 1927 (машинопись – 35 экз.)).

ние *всех* отражений княжого владения и междукняжеских отношений в летописном материале. И автор действительно на протяжении 130 страниц разбирает мельчайшие упоминания летописи, касающиеся разбираемого вопроса для того, чтобы затем в три с половиной страницы уложить все свои выводы. Так Пресняков медленно подводит своего слушателя или читателя к историческому обобщению и очень сжато и коротко формулирует это обобщение.

М.Н. Покровский как-то ставил перед советскими историками задачу научной организации своего труда. Он указал на пример западноевропейских историков, которые умеют вложить в 3 строки столько мыслей и фактов, сколько наши не умещают и в целую страницу. В смысле экономности изложения, точно так же как и в смысле щепетильности и добросовестности в обосновании своих заключений, Пресняков, без всякого сомнения, является ученым европейского, точнее, германского типа.

А.Е. Пресняков всячески стремился приблизить историю к точным наукам, но при этом он не производит над историей никакого насилия, твердо памятуя, что, не обладая методом эксперимента, общественные науки не могут вполне сравняться с естественными. Пресняков рассказывал о своем учителе Лаппо-Данилевском, который, будучи уже первоклассным историком и действительным членом Академии наук, испытывал неудовлетворенность своей специальностью и сильно сокрушался от того, что стал историком, а не музыкантом. Пресняков напоминал о Лаппо-Данилевском, чтобы предупредить своих учеников о разочаровании, которое ждет историка, стремящегося к подлинно научному, а не художественно-литературному творчеству. Свое отрицательное отношение к художественной форме исторического повествования Пресняков неоднократно высказывал. Художественное изложение Ключевского, писал он, например, в «Образовании Великорусского государства», привело к тому, что «П.Н. Милюков назвал драматизацией ход русской исторической эволюции. Но в нашей историографии эти характеристики – литературно-художественные – завоевали себе значение научных концепций, сильно влияя на понимание русской истории вообще и ряда отдельных ее явлений».²

Художественное перевоплощение данных источников и стремление во что бы то ни стало набросать полную, многокрасочную картину исторических событий привели Ипполита Тэна к совершенно сознательному использованию впечатлений, полученных от революции 1848 г. для описания революции 1789 г. Ключевский в этом отношении более научен, но стремление к яркости и картинности исторических характеристик уводило подчас и его очень далеко от источника. Никто иной, как Пресняков, обнаружил и устранил ряд погрешностей схемы Ключевского. При этом он приносит в жертву картинность и конкретность изложения, «столь привлекательную в трудах В.О. Ключевского»,³ во имя сближения своих построений с данными источников. Даже в такой конкретной работе, как «14 декабря 1825 года» (М.; Л., 1926), Пресняков восстанавливает образ «нереволюционной революции» (выражение Покровского) путем регистрации и сличения свидетельств современников, избегая при этом всякой драматизации и создавая картину восстания не при помощи художественного перевоплощения данных источника, а при помощи монтирования их. Не даром в «14 декабря», как и в других работах Преснякова, так много приводится подлинных слов источников и так часто указывается, откуда взяты сведения, иной раз совершенно о незначительных событиях.

Что касается до подлинных слов, извлеченных из документов, то ими А.Е. Пресняков предпочтительно пользуется при подборе научных терминов для характеристики социальных институтов, людей и эпох. Его работы пестрят такими определениями, как «крепостной уклад», «регулярное государство», «самовластье», «истинная монархия»

и т.д. Вообще, научный словарь Преснякова тщательно взвешен и подобран и если он не почерпнут непосредственно из источника, то максимально должен соответствовать его духу. По этой причине он часто прибегает к терминам трудным, в житейском обиходе и в популярной литературе не употребляемым. По этой же причине его термины малоконкретны тогда, когда источник не позволяет их достаточно конкретизировать.

Научность исторических построений Преснякова есть в значительной степени результат формы его изложения. И именно научная форма делает это изложение трудно усвояемым и требует значительного умственного напряжения слушателя или читателя. Его речь всегда ярка и увлекательна. Но яркости и увлекательности он достигает отнюдь не художественно-литературной манерой повествования и отнюдь не насыщением речи каламбурами и историческими анекдотами — ни к каким эффектам, нарочито рассчитанным на то, чтобы вызвать смех у слушателя, он не прибегает. Пресняковская лекция увлекает необычайной логичностью построений, красотой анализа, меткостью характеристик.

Однако благодаря сжатым формулировкам и научному стилю Преснякова, студенту-середняку, особенно младших курсов, не всегда легко его осилить. «Как ни читаешь курс, все равно на зачете жарят по четырехтомнику Покровского», — говорил Пресняков, характеризуя, впрочем, этими словами не столько трудность усвоения его лекций, сколько недостатки лекционного метода вообще. Чем квалифицированнее слушатель Преснякова, тем выше он оценивает его курс. Лекции Александра Евгеньевича в Университете обычно посещали ленинградские и провинциальные педагоги и молодые научные работники, и он как-то рассказывал, в каких трогательных выражениях эти люди благодарили его за прослушанный курс. А для тех, кто специализируется в области русской истории, пресняковские лекции и личное общение с ним открывают неисчерпаемый клад эрудиции, исследовательского такта и тонкого диалектического ума.

Прежде всего лекции, научные труды и личные беседы с А.Е. Пресняковым учат умелому и осторожному обращению с источником. Пресняков вступил на арену исследовательской работы в качестве историка-юриста, а историки-юристы добились особенно значительных успехов в деле критической обработки источников. К тому же он начал критическое изучение исторических материалов с летописных сводов, одного из наиболее трудных в этом отношении источников.

Обе диссертации (магистерская — «Княжое право» и докторская — «Образование Великодержавного государства») Пресняков строит на основании уже ранее опубликованного и неоднократно использованного материала, но благодаря тому, что он видит свою задачу «в восстановлении, по возможности, права источника и факта», ему удается совершенно по-новому осветить ряд основных вопросов древнейшей русской истории. В Предисловии к «Образованию Великодержавного государства» Пресняков пишет, что он считал нужным подойти к важнейшим своим источникам: «Княжие духовные и договорные грамоты раскрывают подлинный свой смысл только при условии изучения каждой в связи с создавшими ее отношениями, а взятые вне исторической обстановки, использованные, притом для ответа на вопросы, каких они не имели в виду — они ведут к ложным выводам, какие им навязаны традиционной историографической схемой. Летописные своды, при безразличном пользовании разными их типами и редакциями, без учета создавших эти типы и редакции тенденций и книжнических точек зрения, не дают всего, что могут дать, и, что существеннее, позволяют предпочесть позднюю и нарочитую переделку текста подлинному первоначальному историческому свидетельству».⁴ На протяжении всей работы Пресняков не изменяет принципам, установленным в Предисловии и в смыс-

ле подхода к источнику. «Образование Великорусского государства» является одним из лучших образцов русской исторической литературы.

Перед современной исторической наукой настоятельно стоит необходимость вплотную заняться вопросами изучения источников. Революция открыла архивы и дала возможность публиковать материалы по таким вопросам, которых до 1917 г. нельзя было касаться в легальной печати. Целый ряд отраслей исторической науки, как, например, история революционного движения или дипломатическая история, в течение последних 11–12 лет буквально переживали период первоначального накопления. И как всегда в периоды первоначального накопления велась хищническая эксплуатация, так и в данном случае хищнически эксплуатировались источники. Исследователи рыскали по архивам в поисках неопубликованных материалов, иногда обобщали собранные материалы, не пытаясь при этом критически подойти к самому источнику. А между тем при пользовании такими источниками, как историко-революционные, от исследователя требуется особенная бдительность. Н.А. Рожков еще в 1923 г. указал на это обстоятельство и призывал историков поскорее заняться критическим изучением материалов.⁵ Это критическое изучение значительно будет облегчено, если будут учитываться приемы и навыки, которые уже выработала старая историография, и тут у Преснякова можно учиться, учиться и учиться. Он является в настоящее время едва ли не самым лучшим знатоком источника. Понятно, почему именно ему было поручено руководство аспирантами Института красной профессуры и Института истории в Москве несмотря на то, что сам он оставался жить в Ленинграде.

Как руководитель исследовательской работой Пресняков всячески старался добиться, чтобы его ученики ставили авторитет тщательно выверенного и сопоставленного с другими источника выше всех и всяких признанных авторитетов исторической науки. В 1925 г. я делал доклад в историческом кружке III курса Герценовского института, руководимом Пресняковым, о русско-японской войне. В своем докладе я старался добросовестно изложить все точки зрения Покровского и Рожкова на характер русско-японской войны. Но Пресняков не дал довести доклад до конца. «Пусть Покровский и Рожков таскают друг друга за волосенки, — сказал он, — какое нам сейчас до этого дело?» И Покровский стал разъяснять, что в исследовательском кружке мы должны работать по источнику, а когда он будет изучен, само собою станет ясно, кто прав: Покровский, Рожков или ни тот, ни другой. Покровский часто в своем кабинете документально проверял аргументацию учеников, занимавшихся уже исследовательской работой, извлекая при этом с книжных полок тонкие и толстые тома документов. При этом он всегда обращал внимание ученика на не использованные им источники, подкрепляющие или разрушающие его построения.

Значение первоисточника в педагогической и научной работе теперь понимает всякий, хотя далеко не всякий умеет первоисточником пользоваться. У нас нередко можно наблюдать чисто фетишистское отношение к первоисточнику.

В этом отношении на психологию молодых исследователей разлагающее влияние оказал «первоначальный период накопления» материалов в раскрытых архивах. Распространено мнение, что если пойти в Центрархив и выписать 2–3 папки материалов, то сразу откроются новые горизонты. В результате — готовность делать широкие социологические обобщения на основе данных двух, а то и одного источника. Иной раз даже очень крупные и авторитетные историки бывают повинны в скороспелых выводах — в обобщениях, сделанных без достаточных оснований.

Пресняков советом и личным примером удерживал своих учеников от скороспелых выводов. Сам он готов был охотнее признаться в своем неведении, чем сделать недостаточно обоснованное историческое заключение. Часто, когда ученик выдвигал гипотезу, касающуюся какого-либо темного исторического вопроса, Пресняков говорил, что ничего по данному вопросу не знает; может быть так, а может быть иначе; данные источники не дают возможности ясно представить себе дело. Документ только тогда говорит что-либо историку, когда он его тщательно проверит и сопоставит с другими документами и источниками; в противном случае никакой вывод не будет устойчивым и долговечным.

Пресняков, руководя исследовательскими занятиями, не только заставлял осторожно и критически подходить к данным источников, но и не давал ученику потонуть в море источников. Много историков, особенно немарксистских, не умеют управлять историческими материалами и фактами и превращаются, таким образом, в рабов этих самых материалов и фактов. На долю крохоборов, придавленных тяжестью источников и не смеющих подняться на высоту широких исторических и социологических обобщений, остается лишь черновая работа по собиранию и описанию материалов.

М.А. Дьяконов писал о Преснякове, что общие характеристики, которые не всегда удаются и большим мастерам, оказываются ему вполне по плечу. И необходимо признать, что как бы много Пресняков ни вложил в дело изучения и анализа источника, подлинная его роль как ученого и педагога заключается в широком и вместе с тем тонком историческом синтезе.

Подводя итоги прочитанному курсу, Пресняков обобщает его, подхватывая и укладывая на свое место всякий факт, ранее сообщенный, всякое заключение, ранее сделанное. По образному выражению одного из слушателей Преснякова, он как бы ленты серпантина забрасывал в прочитанный курс, оплетая его единой мыслью и не давая ни малейшей детали выпасть из общей схемы.

Пресняков синтезирует на основе очень обширных и разносторонних материалов. Он использует прессу и переписку, научную, политическую и художественную литературу эпохи, юридические и мемуарные источники, данные статистики, археологии и филологии. При этом своими построениями Пресняков пытается охватить и объяснить все стороны исторической жизни. Именно так он изучал эпоху Николая I, когда «жизнь страны – экономическая, гражданская, духовная – бьется в этих старых рамках, которые становились ей все более тесными».⁶ И под углом зрения этого противоречия между нарождающимися капиталистическими отношениями и отживающими крепостническими формами общественности и государственности Александром Евгеньевичем рассматриваются и самодержавие, и казенный национализм, и система внутреннего управления, и церковная жизнь, и военная организация, и проявления общественности, и различные течения в литературе и искусстве николаевской России и, наконец, личная жизненная драма Николая.

В маленькой статье «Закрепощение в императорской России»⁷ Пресняков показывает, как в XVIII в. всю жизнь страны – народнохозяйственную, государственную и общественную – пронизывают крепостнические отношения.

Объединяя и связывая своим синтезом экономическую, политическую и идеологическую стороны жизни, Пресняков учитывает также единство исторического процесса во времени и пространстве. В его научных трудах и лекциях всегда много места уделено международным связям: экономическим, дипломатическим и культурным. Те части работ Преснякова, в которых он анализирует эти международные связи России, особенно увлекательны и интересны.

Недаром, сравнивая себя с Платоновым, он говорил, что его учитель более сведущ в вопросах русской истории, а он сильнее во всеобщей истории. При этом в области русской истории Пресняков не ограничивается изучением одной какой-либо эпохи. На вопрос, по каким векам он себя считает специалистом, Пресняков ответил, что его специальность «от доистории до Ленина». И действительно, он очень внимательно следит за всеми новыми работами, касающимися русской предыстории. Его рецензия на книги Ростовцева о Скифии и Босфоре и книгу Готье о материальной культуре Восточной Европы, рецензия, носящая название «Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы», выросла в значительную самостоятельную статью. И одновременно с этой статьей Пресняков пишет статью о 1905 годе, содержащую ряд тонких замечаний и метких характеристик (в частности, характеристика Гапона).

Пресняков не считает работу над доисторическими эпохами принципиально отличной от работы по новейшей истории. Делая в Герценовском институте доклад о достижениях русской историографии за 10-летие (1917–1927 гг.), он отметил, что за последнее время, рядом с усиленной разработкой близких к современности эпох, увеличился интерес к доистории. С удовлетворением констатируя этот факт, Пресняков заявил, что только в свете данных всей исторической и «доисторической» науки может быть по-настоящему понята современность.

Мне казалось уместным остановиться здесь на высказываниях Александра Евгеньевича об историческом синтезе, так как в духе этих высказываний он воздействовал на тех, кто вел исследовательскую работу под его руководством. Пресняков указывал, что они должны во что бы то ни стало найти для своих научных выводов место в общеисторической схеме. Я помню, как в его семинарии на III курсе студент прочел длинный доклад, причем он все время заскакивал в темы, которые уже зачитывались или должны были еще быть читаны в дальнейшем. Оппоненты обвиняли докладчика в том, что он не умеет уложиться в тему и все время расплывается. Пресняков взял сторону докладчика и указал на то, что жизнь не дробится на рубрики, на которые разбиты семинарские занятия, и выход за пределы темы иной раз является делом очень полезным, поскольку показывает внутреннюю связь и единство общественной жизни.

А для того чтобы семинарские, а тем более научные занятия не превратились в бешеную скачку, закусив удила, по странам и эпохам, для того, чтобы ученики не делали широких обобщений типа «взгляд и нечто», Пресняков напоминал о качествах, которыми необходимо обладать каждому научному работнику: «ученый должен знать что-нибудь обо всем и все о чем-нибудь».

Для исторического синтеза необходима широкая эрудиция. Но этого мало. Чтобы не находиться в рабском подчинении источнику и уметь управлять им, кроме исторической эрудиции, исследователь должен обладать твердыми общеметодологическими принципами. Есть они, конечно, и у Преснякова. В каком же отношении находятся его методологические принципы с методологией диалектического материализма? Как-то на лекции он получил записку, в которой его спрашивали об отношении к марксизму и отношении историков-марксистов к нему. Пресняков ответил, что он стоит к марксизму близко, гораздо ближе, чем большинство историков старой школы, и что в научных марксистских кругах его расценивают именно как близкого попутчика; но марксистом он все же себя не считает. Автор вышеупомянутой записки склонен был думать, что Пресняков, выступая в своих лекциях и трудах всегда как марксист, не сумел осознать себя только марксистом. В ответ Александр Евгеньевич рассказал, как Платонова кто-то тоже назвал нео-

сознавшим себя марксистом, и тот на это возразил: «Неужели я такой несознательный». И Пресняков указал на пункты, в которых, по его мнению, он расходится с марксизмом: вопрос о роли личности в истории и вопрос о роли государства. Тут нужно заметить, что в новых послереволюционных работах Преснякова эти вопросы разрешаются гораздо более по-марксистски, чем в диссертациях. В «Александре I» и «Николае I» Пресняков объясняет идеологию и психологию обоих императоров с точки зрения тех социально-экономических процессов, которые переживались страной. Он указывает на то, что «под действиями Александра, которым он (Александр. — *А.Ш.*) подыскивает и дает идеологическое обоснование», вскрываются для историков «весьма реальные мотивы: во внутренней политике стремление власти к самосохранению и самоутверждению в ряде компромиссов с господствующими в стране интересами, по внешней — мотивы государственного эгоизма, определяемые экономическими, финансовыми, территориально-политическими интересами данной страны». И дальше Пресняков указывает, что если для биографа Александра «идеологические обоснования» существенны «как культурно-историческая черта эпохи, и как прием политики, и, наконец, как проявление изучаемой индивидуальности, типичной для своего времени», ⁸ то для историка Александровской эпохи существенны именно «реальные» мотивы и двигатели политики.

Но и в «Александре I», и в «Николае I» и, особенно, в статье «Закрепощение в императорской России», вышедшей в свет в 1922 г., еще сильно заметно влияние «государственной теории». Вместе с тем производственные отношения у Преснякова недостаточно выделены в общественной жизни. Экономические причины исторического движения растворяются иной раз в политических и финансовых.

Если Пресняков и не всегда доводит причинно-следственную цепь общественных явлений до их производственного базиса, то его лекции и новые работы заставляют самого слушателя и читателя сделать последний шаг и вступить на чисто марксистский путь трактовки истории. Любопытно в этом отношении, что когда после лекции Преснякова слушатели повторяли и обсуждали ее между собой, она звучала вполне по-марксистски.

Политических выводов из исторического исследования Пресняков не склонен делать. Он уверял, что ему удастся встать над политикой и бесстрастно наблюдать все ее перипетии. «Я не актер, я зритель», — сказал он как-то, когда у него спросили о его политических убеждениях. Но заявляя, что «только в свете доистории может быть понята современность», Пресняков подводит своих учеников к задаче изучения доистории именно с точки зрения современности, подводит их к необходимости политически осмыслять всякую историческую и доисторическую эпохи.

И именно то, что Пресняков толкает тех, кто у него учится, на марксистский путь, делает его самым близким попутчиком марксистской исторической школы, настолько близким, что М.Н. Покровский находит возможным засчитать этого «крупнейшего русского историка после-Платоновского поколения» на марксистском балансе.⁹

¹ Дьяконов М.А. [Рец. на:] Пресняков А.Е. Московское царство. Общий очерк. Пг., 1918 // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 265.

² Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 21–22.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Там же. С. V–VI (Предисловие).

⁵ Рожков Н.А. К методологии истории революционного движения // Красная летопись. 1923. № 7. С. 71–74.

⁶ Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 27.

⁷ Пресняков А.Е. Закрепощение в императорской России // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. С. 14–21.

⁸ Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924. С. 54–55.

⁹ Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 5.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2005 г.